Любовь никогда не перестает,
хотя и пророчества прекратятся,
и языки умолкнут, и знание упразднится.
Первое послание к Коринфянам
святого апостола Павла

Виктория Романова — прирожденная рассказчица, и слушать ее — одно удовольствие. А уж когда она говорит о самом родном человеке — маме, чья жизнь и судьба вполне могли бы стать основой толстого романа, или сценария фильма, или пьесы — ведь речь идет об актрисе, — тут уж не только заслушаешься... Хочется узнавать все больше и больше об удивительной женщине Татьяне Артемьевне Проняковой-Романовой, которой в декабре 2017 года исполнилось бы сто лет.

Виктория, которую друзья и хорошие знакомые называют Вита, говорит о маминых родителях: бабушка — полячка Виктория Яур-Чернайч, а дедушка — Артемий Проняков из дворянского рода Воронцовых, о чем в те годы, по понятным причинам, умалчивалось.

Дедушка называл бабушку... Витой.

Хотя девочка Таня родилась в Ростове-на-Дону, позже семья перебралась в Бобруйск, потому что отца, военного инженера, назначили начальником Бобруйской крепости, и именно там впервые произошла знаковая встреча с театром. При театре работал драмкружок, началось участие в спектаклях, жизнь казалась праздником, и именно тогда к ней пришла любовь. Первый муж, переезд в Минск и совсем недолгая пора счастливой семейной жизни. Мужа арестовали. Помните у Ахматовой?

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх,
Как клинописи жесткие страницы
Страдание выводит на щеках.

Чтобы передать что-то родным, которых арестовали, люди стояли в очередях. И если передачу не брали, это означало одно: твоего человека больше нет в живых. Когда у Татьяны не взяли передачу и она вернулась домой, домработница сказала: «Уезжай, пока не арестовали!» И молодая женщина, почти девочка, уехала обратно в Бобруйск, где ее поддержала только полька Зуня, ведь многие боялись любой связи с женой (вдовой) врага народа. Страшное было время, когда страх пропитывал все вокруг и ломались даже очень сильные люди. Таня не сломалась. Она вернулась в Минск. Постепенно она оживала, в чем помогала работа в театре, спектакли, а позже и новая любовь. И вот она выходит замуж за главного режиссера Минского драматического

театра, рождается сынок Валерка и ожидается второй ребенок. Счастливое время, а гастроли в Польшу — особая радость! Радость резко оборвала война. Мужчины остались в ополчении, женщины и дети отправились на родину. Поезд, в котором они ехали, попадает под бомбежку. Как они выжили, выбрались? Видно, Бог помог.

Через Смоленск и Оршу,
Пусть нам поможет Бог!
Только живи, хороший,
Только живи, сынок.

Поддерживали, чем могли, люди. Чудом выжив, беременная Татьяна с сыном добрались до брата мужа в Москву, а театральное общество помогло уехать в Йошкар-Олу и устроиться в драматический театр.

Из статьи Елены Глебовой «Жизнь актрисы» (журнал «Словесница искусств № 2 за 2007 год):

«В комнате театрального общежития не было ничего, кроме кровати. Чтобы не спать на холодной панцирной сетке, она стелила газеты, и они же служили покрывалом для сына. Лишь позднее, когда труппа вернулась с гастролей, в театре узнали о бедственном положении новой актрисы. Нет, она никому не жаловалась, просто кто-то случайно зашел к ней.

А дальше — забавная сцена. Вечером в комнате Татьяны распахивается дверь и откуда-то из темноты вылетает подушка! Потом заглядывает соседка и предлагает попробовать, не много ли в блинчиках соли, приглашает на чай. Актерское братство ненавязчиво и тактично поддержало ее в трудный момент, превратив происходящее в легкий, веселый спектакль. Но лишь на мгновение, потому что буквально сразу, одна за другой, посыпались беды: заболевает и умирает Валерка, рождается и сразу умирает девочка, приходит весть о гибели мужа...

У нее действительно осталось только одно — театр. Случайно или нет, но первая роль в Йошкар-Олинском драматическом была в спектакле о войне. Режиссер убеждал: «Таня, ты должна играть, потому что только ты способна создать на сцене ощущение всеобщей беды...»

Работать приходилось много. Вместе с войсками артисты уходили на фронт, в промежутках между боями играли спектакли. Награды «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны» никогда не были для Татьяны Артемьевны предметом гордости. Просто символы того страшного времени».

Лишь тишина на ужин,
Ни еды, ни полслова...
Сталин отнял первого мужа,
Гитлер — второго.
Холодно. В мире сплошная ночь.
В жилах кровь стынет.
Позавчера умерла дочь,
Нет больше сына.
Быть ли? — она задает вопрос.
Нет больше слез и кривится рот.
Пачка закончилась папирос.
Завтра — на фронт.

Сорок пятый год. Йошкар-Ола. Драматический театр. Именно там и тогда рождается «Портрет актрисы Проняковой», который влюбленный художник Вася Романов называл еще «Портрет счастливой женщины». Какое счастье, что встретились эти двое именно там и тогда. Какой светлый портрет! Талантливый молодой художник пишет не только счастливую женщину. На мой взгляд, он пишет еще и победу — над

фашизмом, над смертью. Рождается семья, которая проживет вместе ни много ни мало — всю жизнь. И как повезло Хабаровску, что жизнь этих двух неординарных людей оказалась связана с Дальним Востоком.

Сколько ролей сыграно прекрасной Татьяной Артемьевной! Сколько поклонников ее таланта было в годы, когда она блистала на сцене! И какой настоящий дом создала эта творческая пара! Пережив блокаду, глава семьи ощущал острое желание накормить, причем не только своих родных людей, но и гостей. Это трепетное отношение вызывало ответное тепло, в дом тянулись самые разные люди, и среди них такие громады, как Всеволод Никанорович Иванов. Это были законы благородных отношений. Жена Всеволода Никаноровича — маленькая, обаятельная женщина, он сам — огромного роста, красавец, человек, большой во всем. Мало с кем он мог поговорить. Его поколение ушло, молодые не дотягивались до высокого, для него привычного уровня. Но здесь, в семье Романовых-Проняковых, ему было хорошо.

Из дневников писателя 1947–1949 гг.: «Нечего вечно жить в ремонте, стуке, драке. Нужно «мягкое, женское». И вот отсюда — значение женщины в наши дни».

Значение Татьяны Артемьевны было огромно, а Всеволод Никанорович слыл поклонником ее актерского дара. Хозяйка дома, с руками, нет — с ручками, красоты необыкновенной, с очами, полными неба, привечала гостей.

Вита показывает самовар, стоящий теперь у нее в мастерской, подарок Всеволода Никаноровича, который говорил: «Таня, я буду приходить и пить чай из самовара». Жила семья в доме барачного типа, и воду часто приходилось таскать не только главе семьи, но и Татьяне, вот этими самыми прекрасными ручками. Дом с фантастическим двором написала Вита, назвав картину «Игра в снежки». И хотя жили финансово очень тяжело, а зарплату зачастую выдавали облигациями, но счастье пело в доме!

— Мама была звезда, — говорит художница, — мы жили очень бедно и шутили, что если к нам заберутся воры и увидят старый холодильник, то заплачут и что-нибудь туда положат. Но буквально из ничего возникала одежда — труакар, что-то вроде жакета, который так сидел на маминой фигуре, как будто она только что приехала с парижской недели моды. Помню необыкновенное пальто с вышивкой крестом... да любая одежда делалась на ней модной и благородной.

Слушаю дочку Татьяны Артемьевны и понимаю, что она — олицетворение мужества и женственности, нежности и силы, что, пронеся сквозь страшные беды и испытания душу живу, стала необыкновенной мамой, близким другом дочери. Оказавшись далеко от родных и близких, начав с нуля жизнь, вместе с мужем они сумели создать дом, сотворить спектакли, картины и, может быть, самое главное — воспитали дочь, которая стала ярким, ни на кого не похожим живописцем. И генная память, выраженная в совершенно реальном человеке, не исчезла.

— Мама столько раз рассказывала мне о своей жизни, что у меня возникло полное ощущение: я — это она, а она — это я. Образ мамы как образ солнца. Оно такое большое и цельное, что рассказать о нем все просто невозможно. Мы всегда находились абсолютно на одной волне. За день до маминого ухода я привезла ей ландыши.

Прошло время, и Вита написала ландыши с посвящением маме и только после этого смогла работать дальше. Два портрета — Василия Романова и Татьяны Проняковой-Романовой, папы и мамы, — разговаривают в мастерской, где творит живописец Виктория Романова. Самовар рассказывает свою историю колокольчикам. А холсты, полные тайн, готовы чуть-чуть приоткрыть их, но лишь чуть-чуть. Гляжу в изумлении на Космос в картине «Семь кофейных зернышек». Поднос ли, планета ли? Небо. А ангел оттуда, с головокружительной высоты, смотрит на нас и держит седьмое кофейное зернышко. Может, это вовсе не кофейное зернышко, а планета Земля? И все соединилось — звуки колокольчиков, и живой запах масляной краски, и пенье старого самовара. И острое чувство того, что «у Бога все живы». Ведь «любовь не перестает».